

Т.П. Буслакова

«Спит ковыль. Равнина дорогая...» (1925)

В 1920-е годы, как и на протяжении всего творческого пути Есенина, центральным образом его поэзии остается Россия. Воспоминания о ней, ожидание встречи, негодование и восхищение ее красотой, сознание своей неразрывной связи с «близкой и любимой» землей («Жизнь — обман с чарующей тоскою...», 1925) — все это является фоном, придающим особую проникновенность любовным переживаниям лирического героя, его взгляду на «цветы Тегерана» («Улеглась моя былая рана...», 1924) или размышлениям о «горькой славе» («Дорогая, сядем рядом...», 1923). Любовь к России похожа на «рану», вечную «боль», не оставляющую поэта ни в горе, ни в радости. Она не дает «остыть» его сердцу («Вижу сон. Дорога черная...», 1925), дает силы щемяще, «прочувствованно пропеть» гимн «березовой Руси».

В стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая...» родина для лирического героя «дорогая», вливающая «в грудь... теплынь», «таинственная», «золотая», «любимая». Вспоминая вопрос некрасовской поэмы, он не скрывает, что здесь «у всех... участь» одна — жить не только «радуясь», но и «свирепствуя и мучась», «под «окрик журавлиный» и «плач» верб. «Новый свет», пролитый временем, не затмил для поэта «золото» «бревенчатой избы». «Новь» воспринимается им как «сильный враг», наступающий на его мир («мои поляны и луга»), пытающейся вытеснить и его самого из жизни и истории Руси («новью той теснимый»):

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга...

Но ни в то время, когда задавался некрасовский вопрос, ни теперь, — «никто...// Не разлюбит отчие поля». Вопрос «Хорошо живется на Руси?» оказывается риторическим. Для лирического героя с «родиной любимой» связана не только «теплынь» жизни, но и возможность, «любя», принимая «все» — горечь и муку жизни («свинцовой свежести польнь»), «плач» природы, «теснимой» «новью», «спокойно» встретить свою смерть, неотделимую от конца его мира:

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Основным художественным средством, передающим специфику переживаний лирического героя, является антитеза (родина — «чужая юность», «теплынь» дома, «золотой... избы» — «новый свет», в котором видится «сильный враг», творчество «поэта» — «брызжащая» новь, заглушающая его голос, жизнь — смерть). Антитеза снимается благодаря способности поэта ощутить себя в ряду поколений крестьянской Руси («Знать, у всех у нас такая участь...»). Как и «всякий» здесь, он настолько остро чувствует свое родство с ней (ковыль, равнина, вербы, тополя, журавли, поля, поляны и луга — все это детали, рисующие конкретный русский пейзаж), что называет ее «своей», «все равно» сохраняет ей верность и в жизни, и в смерти:

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы...